

Этнографическое обозрение

1898 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1898 4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 202 с.

ISBN 978-5-517-93082-8

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1898 года

ISBN 978-5-517-93082-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. „Медвѣжья присяга“ и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ. Гл. II. (Окончаніе). <i>Н. Харузина</i>	1
II. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. XVIII. Оло-нецкая старинка о мѣстномъ силачѣ. <i>Вс. Миллера</i> . . .	38
III. Матеріалы для исторіи народнаго театра. IV. „Царь Максимиліанъ“. Критическія замѣчанія и тексты. (Варіанты 3 и 4). <i>В. Каллаша</i>	47
IV. Очерки Пошехонья. 3. Народныя гаданія. 4. Обрядность обыденной жизни. 5. Волѣзны и ихъ лѣченіе; смерть, похороны и поминки; загробная жизнь. <i>А. Балова, С. Я. Дерунова и Я. Ильинскаго</i>	69
V. Малорусское „весилѣ“. 3—5. Обряды и пѣсни Полтавской, Кіевской и Харьковской губерній. <i>А. Малинки</i> . . .	93
VI. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. II. Повѣрья. (Текстъ и переводъ). Записалъ <i>Н. Державинъ</i>	113
VII. Смѣсь:	
Изъ преданій и повѣрій Череповецкаго уѣзда, Новгород. губ. Сообщ. <i>М. К. Герасимовъ</i> . . . ,	126
Святочныя шалости въ Пельшемской волости, Кадниковск. у., Вологодск. губ. Пр. <i>Дилакторскаго</i>	133
Изъ грузинскихъ легендъ. 1. Мудрость Соломона. 2. Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ. <i>А. Хаханова</i>	136
Кому и въ какихъ случаяхъ народъ молится? Сообщ. <i>В. Харузина и П. В. Ивановъ</i>	140
Матеріалы для словаря условнаго языка. II—III. <i>Н. Я. и Н. Мендельсона</i>	143

Не Русскіе, а Словаки! <i>А. Соболевскаго</i>	147
Дополнительныя свѣдѣнія объ Иванѣ Купалѣ и о заплач- кахъ въ Малороссіи. <i>А. Малинки</i>	150

VIII. Критика и библиографія.

1. Отчеты о книгахъ	153—182
Эрнстъ Гроссе, <i>Формы семьи и формы хозяйства</i> . Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. книжн. магаз. „Книжное Дѣло“. Москва, 1898. <i>А. Максимова</i> (153).—Ю. Липпертъ, <i>Исторія семьи</i> . Перев. съ нѣмецкаго Н. Шатерникова. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 1897. <i>Ею-же</i> . (161).—М. Ноегнес, <i>Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Chr.</i> Wien, 1898. <i>Н. Х.</i> (164).—Stanisl. Ciszewski, <i>Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven</i> . Leipzig. 1897. <i>Ею-же</i> . (167).—К. Филатовъ, <i>Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ.</i> , Варшава, 1898. <i>А. Соболевскаго</i> . (169).—В. Харузина, <i>Сказки русскихъ инородцевъ</i> . (Съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями). Съ предисловіемъ В. М. Михайловскаго. Москва. 1898. <i>В. К.</i> (171).—Сибирскій Сборникъ. Приложение къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“ на 1898 г. Подъ ред. И. И. Попова. <i>Н. М.-на</i> . (171).—Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географическаго Общества. Т. XXIX, № 2 (1898). <i>Ею-же</i> . (174).—А. П. Энгельгардтъ, <i>Русскій Сѣверъ</i> . Путевыя записки. СПб. 1897. <i>Вл. В.</i> (175).—Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. 1898 г., вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. <i>Д. С.</i> (181).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	182—185
3. Новости этнографической литературы	186—192
IX. Извѣстія и замѣтки. Опреліяхъ по русскому языку имени М. И. Михельсона при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ.	193
X. Опечатки	194

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

и

тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

II ¹⁾.

Легенды, повѣствующія о медвѣдѣ, какъ сверхъестественномъ существѣ, собрано, сравнительно, значительное количество изъ устъ остяковъ и вогуловъ. Изъ этого цикла произведеній народнаго творчества для нашихъ цѣлей представляютъ особенный интересъ тѣ, въ которыхъ повѣствуется о происхожденіи медвѣдя и объ его отношеніи къ людямъ.

Разсказы о происхожденіи медвѣдя могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ одной относятся всѣ тѣ, въ которыхъ сообщается, что медвѣдь прежде жилъ на небѣ у бога и затѣмъ спущенъ на землю. Къ другой группѣ слѣдуетъ отнести тѣ легенды, въ которыхъ медвѣдь оказывается потомкомъ людей ²⁾. Легенды первой категоріи сводятся къ тому, что медвѣдь, или по собственному желанію или въ наказаніе за ослушаніе, былъ спущенъ съ неба главнымъ божествомъ, въ домъ котораго онъ прежде жилъ. Спущая медвѣдя на землю, божество даетъ ему наставленія, чѣмъ питаться, запрещая трогать запасъ пищи у людей. Медвѣдь не исполняетъ приказаній божества, и въ результатѣ начинаетъ худѣть. Въ виду этого онъ или обращается къ божеству, которое даетъ ему вторично наставленія, или самъ сознаетъ свою ошибку и не выходитъ болѣе изъ повиновенія богу. Медвѣдю богъ разрѣшаетъ питаться всѣми дикими звѣрями, но изъ прирученныхъ людьми животныхъ онъ позволяетъ ему употреблять въ пищу только тѣхъ, которыя принадлежатъ дурнымъ людямъ. Послѣд-

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XXXVIII.

²⁾ Н. Л. Гюндатти, Культъ медвѣдя, стр. 78—79, Patkanow, Die Irtysh-Ostjaken, стр. 125—126.

нимъ онъ долженъ былъ вообще причинять всевозможный вредъ, и если они подойдутъ къ нему близко, то убивать ихъ; то же медвѣдь имѣетъ право дѣлать и въ отношеніи къ людямъ, которые наемѣхаются надъ нимъ. Спущенный съ неба медвѣдь, согласно легендамъ, въ послѣдствіи былъ убитъ богатыремъ Узунъ-одыр-пыхъ, но божество позволило тѣни медвѣдя принять прежній видъ и навсегда остаться на землѣ: этого божественнаго медвѣдя и до настоящаго времени иногда можно видѣть на Уралѣ.

Волулы въ „медвѣжьихъ пѣсняхъ“ иногда называютъ медвѣдя сыномъ высшаго бога, низведеннаго по зависти съ неба на землю ¹⁾.

Циклъ легендъ второй категоріи производитъ медвѣдей отъ людей. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ версіи, сообщаемыя г. Паткаевымъ: медвѣдь оказывается потомкомъ богатырей, которые населяли землю въ прежнее время и по различнымъ обстоятельствамъ были вынуждены избѣжать людскаго общества, вслѣдствіе чего жили въ глухихъ лѣсахъ. Иногда происхожденіе медвѣдей объясняется легендой, что они плодъ брака дочерей богатырей съ лѣсными духами или наоборотъ. Такъ по одной версіи у дочери одного изъ богатырей лицо было покрыто густыми волосами. Когда она однажды собирала ягоды въ лѣсу, она встрѣтила лѣснаго духа въ образѣ молодого человека, отъ связи съ которымъ у ней родился сынъ; онъ отличался силой и дикостью, и остяцкая община, гдѣ они жили, изгнала ихъ изъ селенія. Сынъ выросъ и сдѣлался медвѣдемъ, мать превратилась въ большой камень. По другимъ версіямъ въ медвѣдя превратился проклятый матерью сынъ: онъ покинулъ свою мать, ушелъ въ лѣсъ, нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди считаются потомками этой четы. Превращенные въ медвѣдей люди также сдѣланы божествомъ хранителями истины и справедливости на землѣ.

По преданію васьюганскихъ остяковъ въ медвѣдя превращается богатырь: онъ заблудился въ лѣсу, отыскивая дорогу; онъ перегазаетъ, снявъ предварительно одежду, черезъ поросшую мхомъ колоду; результатомъ этого оказывается, что его тѣло покрывается

¹⁾ Н. М. Ядринцевъ: О волуль медвѣдя, стр. 110.

ихомъ, и богатырь превращается въ медвѣдя. Онъ переходитъ обратно, чтобы отыскать свою одежду, но послѣднюю унесъ дьяволъ; богатырь остается жить въ лѣсу ¹⁾).

Такимъ образомъ, какъ бы ни объясняли остяки и вогулы происхожденіе медвѣдей, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ въ своемъ качествѣ представителей справедливости на землѣ, являются равно священными. Неудивительно поэтому, замѣчаетъ по этому поводу г. Гондатти, „что всякій, сознающій за собой грѣхъ, невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія изберетъ его — угоднаго себѣ человека“ ²⁾. Слѣдовательно, убить медвѣдя можно только праведному человеку и притомъ лишь согрѣшившаго, виновнаго медвѣдя. Очевидно, что въ этомъ объясненіи мы имѣемъ попытку примирить болѣе древнія представленія о медвѣдѣ, какъ священномъ звѣрѣ, котораго нельзя убивать, съ установившимся представленіемъ о высшемъ существѣ, которое позволяетъ охотнику заглушить укоры совѣсти за преступленіе, совершаемое убійствомъ медвѣдя. Оно должно на нашъ взглядъ считаться вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что нѣкогда, когда остяки находились на болѣе низкой ступени религіознаго развитія, убивать медвѣдя вообще считалось грѣхомъ, что сближаетъ отношеніе къ нему съ отношеніемъ дикарей къ своимъ тотемамъ.

Во всякомъ случаѣ медвѣдь является въ глазахъ остяковъ животнымъ священнымъ самъ по себѣ. Медвѣдь научилъ остяковъ и вогуловъ искусству употребленія огня. По словамъ Кастрена, остякъ предполагаетъ, что медвѣдь вовсе не похожъ на остальныхъ звѣрей: шкура является только его одеждой, подъ которой онъ скрываетъ человѣческій видъ; онъ обладаетъ божественной силой и мудростью ³⁾. Въ виду этого вполне понятно, что его мясо, жиръ и т. д. имѣютъ цѣлебную силу—это часть его божественнаго тѣла.

¹⁾ Потанинъ: Очерки сѣв.-западной Монголіи, IV, стр. 754-755.

²⁾ Н. Д. Гондатти, I. с. стр. 79.

³⁾ Ср. Потанинъ: Оч. с.-з. Монголіи, IV, стр. 750 (епис. остяки). Ратканов. I. с. стр. 125

Желчь медвѣдя, особенно бѣлаго, равно и медвѣжье сердце употребляютъ въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ.

„Сухую такую желчь употребляютъ отъ живота и отъ нечисти, также даютъ и больнымъ ребятамъ“ ¹⁾. Его зубы и когти носить въ качествѣ священныхъ предметовъ и пр.

Съ подобными чертами божественности выступаетъ медвѣдь почти всюду, гдѣ культъ его сохраняется еще съ болѣею жизненностью. Лопари ²⁾, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считали медвѣдя за „божью собаку“: онъ обладалъ большимъ умомъ, а силы у него столько, сколько у двѣнадцати мужчинъ; въ другихъ мѣстахъ лопари считали медвѣдя за самое умное и понятливое изъ всѣхъ животныхъ и т. п. Медвѣжій жиръ употреблялся въ качествѣ лѣкарствъ ³⁾.

У самоѣдовъ наиболѣе видный представитель медвѣдей, именно бѣлый, встрѣчающійся въ ихъ владѣніяхъ чаще, чѣмъ бурый медвѣдь, считается посланникомъ неба; ему приписываютъ заслугу ознакомленія людей съ полученіемъ и употребленіемъ огня. Самоѣды дѣйствительно убиваютъ и употребляютъ его въ пищу, но примиряются затѣмъ съ убитымъ, хотя коллективные празднества и устраиваются у нихъ рѣже, чѣмъ у остяковъ и вогуловъ вслѣдствіе разбросанности населенія. Они запрещаютъ женщинамъ ѣсть голову медвѣдя. Окуриваніе медвѣжьимъ жиромъ—наиболѣе дѣйствительное средство оградить себя при охотѣ отъ неудачъ, проистекающихъ вслѣдствіе дурного пожеланія врага или благодаря встрѣчѣ съ женщиной ⁴⁾.

Самоѣды рассказываютъ, что медвѣдь произошелъ отъ женщины, имѣвшей половину туловища звѣриную, половину—человѣческую, съ лѣшимъ (намтурь) ⁵⁾.

Буряты полагаютъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкомъ, но обращенъ впослѣдствіи въ звѣря за то, что хотѣлъ испугать бога. По однимъ версіямъ онъ былъ царемъ, по другимъ, очевидно болѣе древнимъ, онъ былъ прежде большимъ чернымъ шаманомъ.

¹⁾ Палласъ: Путешествіе, III, пол. 1-ая, стр. 67.

²⁾ Русскіе лопари, стр. 199, 203.

³⁾ Ср. въ Калевалѣ повѣствованіе Вейнемейнена о сверхъестественномъ рожденіи медвѣдя на небѣ, его отпущѣ на землю и данномъ ему завѣтъ. Калевала, пер. Вѣльскаго; рун. 32 и 46. стр. 414 и 545—548.

⁴⁾ А. Егман: Reise um die Erde. I. стр. 681; Н. Д. Гондатти, I. с. 75.

⁵⁾ Потанинъ: Отъ сѣв.-зап. Монголіи. IV. стр. 754.

или шаманкой; они превратились въ медвѣдей, желая испугать самого бурхана, за что послѣдній оставилъ ихъ навсегда медвѣдями. Вообще, по словамъ г. Хангалова, „души чернаго шамана или шаманки обращаются въ медвѣдей и въ такомъ видѣ странствуютъ, куда имъ угодно, для исполненія своихъ намѣреній“ ¹⁾. Иногда въ медвѣдя, по преданіямъ бурятъ, превращается охотникъ: отправляясь на охоту, онъ обходилъ три раза дерево и превращался въ медвѣдя ²⁾.

По представленіямъ кумандинцевъ, Эрликъ имѣетъ медвѣжій видъ. Иногда алтайскіе тюрки приписываютъ происхожденіе медвѣдя превращенію человѣка, обиженнаго семьей. Далѣе „Кереметь, въ поволжскихъ легендахъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда хочетъ показаться людямъ“ ³⁾.

Покровителемъ шамановъ медвѣдь считается и у якутовъ. Въ медвѣдей обращаются души шамановъ: самыми могущественными шаманами считаются тѣ, которые имѣютъ своимъ звѣринымъ воплощеніемъ быка-пороса, жеребца, орла, лося или чернаго медвѣдя. Цикль разсказовъ и легендъ, повѣствующихъ о сверхъестественныхъ качествахъ медвѣдя, чрезвычайно обширенъ у якутовъ; черный медвѣдь считается „царемъ рощъ и лѣсовъ“. О немъ нельзя дурно говорить. Онъ уменъ, какъ человѣкъ, даже умнѣ послѣдняго; „онъ все можетъ, все знаетъ и понимаетъ, и если не говоритъ, то только потому, что не хочетъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медвѣдя прямо считаютъ колдуномъ. „Медвѣдь вовсе не звѣрь, а колдунъ; ты бы посмотрѣлъ на медвѣдя, когда съ него снимутъ кожу: женщина, какъ есть женщина, грудь, ноги—все женское“, говорили на Алданѣ г. Сѣрошевскому. Существуютъ преданія о превращеніи людей въ медвѣдей. Празднествъ въ честь убитаго медвѣдя въ настоящее время, кажется, не устраивается, но слѣды ихъ сохраняются въ обычаяхъ при охотѣ на медвѣдя. Наконецъ человѣкъ убившій, медвѣдя, получаетъ даръ лѣчить нѣкоторыя болѣзни ⁴⁾.

¹⁾ М. Хангаловъ: Духи-людоѣды у бурятъ, въ Этногр. Обзор. 1896, № 1, стр. 137; см. также Бурятскія сказки въ Зап. Восточн.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по Эт. I, 1, стр. 119.

²⁾ Н. М. Ядринцевъ: О культѣ медвѣдя, стр. 110.

³⁾ Ibid. стр. 110, 111; Вербицкій: Алтайскіе инородцы. стр. 137.

⁴⁾ В. Л. Сѣрошевскій: Якуты, I, стр. 626, 638, 658—660.

Въ представленіяхъ многочисленныхъ инородцевъ медвѣдь является такимъ образомъ сверхъестественнымъ существомъ, какъ и у вогуловъ и остяковъ. Такъ какъ культъ его не позволяетъ предполагать, что поклоненіе медвѣдю возникло изъ зоолатріи, основанной на страхѣ дикаря передъ крупнымъ звѣремъ, борьба съ которымъ является опасной, то намъ предстоитъ рассмотреть основныя черты представленій о медвѣдѣ, какъ о существѣ божественномъ, и выдѣлить изъ нихъ черты, сближающія эти вѣрованія съ тотемическими. Что современныя представленія не носятъ непосредственно тотемическаго характера—вполнѣ естественно, такъ какъ тотемизмъ, какъ элементъ вѣрованій, прикрытъ другими, болѣе развитыми религіозными взглядами. Между тѣмъ мнѣніе, что вѣра въ медвѣдя, какъ въ существо сверхъестественное, возникла благодаря развитію тотемическихъ элементовъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ системѣ тотемическихъ вѣрованій некультурныхъ народностей чрезвычайно характерны мѣны, легенды и преданія, повѣствующія о дѣятельности того или иного тотемическаго животного. Обыкновенно тотемическая группа считаетъ себя происходящей отъ одного общаго родоначальника съ тотемомъ, часто признаетъ послѣдняго своимъ предкомъ. Тотему приписывается благотворное вліяніе на жизнь группы; онъ нерѣдко участвуетъ въ сотвореніи міра, является героемъ-цивилизаторомъ и пр. Къ имени тотема прикрѣпляются рассказы, рисующіе его вообще благотворнымъ для группы существомъ.

Въ настоящее время ни остяки, ни вогулы не признаютъ, насколько можно судить по собраннымъ легендамъ о медвѣдѣ, родственныхъ узъ съ послѣднимъ. Но что нѣкогда, вѣроятно, такое родство между медвѣдемъ и какимъ-нибудь родомъ существовало, доказывается преданіемъ о происхожденіи медвѣдей отъ богатырскаго поколѣнія, населявшаго прежде землю. Эти богатыри были предшественниками людей. Они были спущены съ неба послѣ потопа. О нихъ сохранилась масса преданій: они расселились частью отдѣльными семьями, частью цѣлыми деревнями; дома устраивали изъ камня и изъ земли; богатыри отличались чрезвычайной силой; побѣжденныхъ враговъ своихъ они скальпировали, предавались антропофагіи, съѣдая сердце и печень убитаго и т. п. Въ преданіяхъ о богатыряхъ сохранилось много чертъ древняго быта ино-

родцевъ. Богатыри оказываются родоначальниками вогуловъ: и до настоящаго времени всѣ вогулы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей; мало того, даже „многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ—ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему либо покровителями“ ¹⁾.

Эти преданія о богатыряхъ проливаютъ свѣтъ на легенду о происхожденіи медвѣдя отъ смѣшаннаго брака дочери (или сына) богатыря съ лѣснымъ духомъ (или дочерью послѣдняго). Они устанавливають связь, существующую между обществомъ людей и медвѣдями. Едва ли возможно сомнѣваться, что при родовомъ характерѣ, которымъ пронизаны легенды о богатыряхъ, преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ дочери или сына богатыря имѣло въ прежнее время также родовой характеръ и лишь впоследствии сдѣлалось достояніемъ всего племени: извѣстный родъ, создавшій легенду о происхожденіи медвѣдя, долженъ былъ признавать существованіе родственныхъ узъ между своими членами и медвѣдями. Такимъ образомъ медвѣдь оказывался родственникомъ, а слѣдовательно и тотемомъ опредѣленной группы инородцевъ, такъ какъ узъ родства между извѣстнымъ видомъ животныхъ и группой людей оказывается одной изъ основныхъ чертъ тотемизма. Если въ развитіи послѣдняго представленіе, что извѣстный видъ предметовъ, одушевленныхъ или неодушевленныхъ, называется тотемами группы людей, предшествуетъ появленію вѣрованія о родственной связи между людьми и ихъ тотемомъ, то, наоборотъ, признаки этихъ родственныхъ узъ заставляютъ поддерживать въ жизни вѣру, что данный видъ предметовъ является духами-покровителями группы, болѣею частью рода.

Тотемическому характеру группы легендъ, повѣствующихъ о происхожденіи медвѣдя отъ людей, нисколько не противорѣчитъ введеніе въ нихъ сверхъестественнаго элемента: проклятіе матери, благодаря чему сынъ превращается въ медвѣдя или бракъ чело-вѣка съ лѣснымъ духомъ. Эти элементы неизбежно должны были явиться по мѣрѣ упадка тотемическихъ представленій. Разъ ми-оологія народа составляетъ его, такъ сказать, научную энциклопедію, отвѣты на вопросы, которые задаетъ себѣ дикарь о причинахъ окружающихъ его явленій, собственной жизни и вѣрова-

¹⁾ Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньчжовъ, стр. 64.